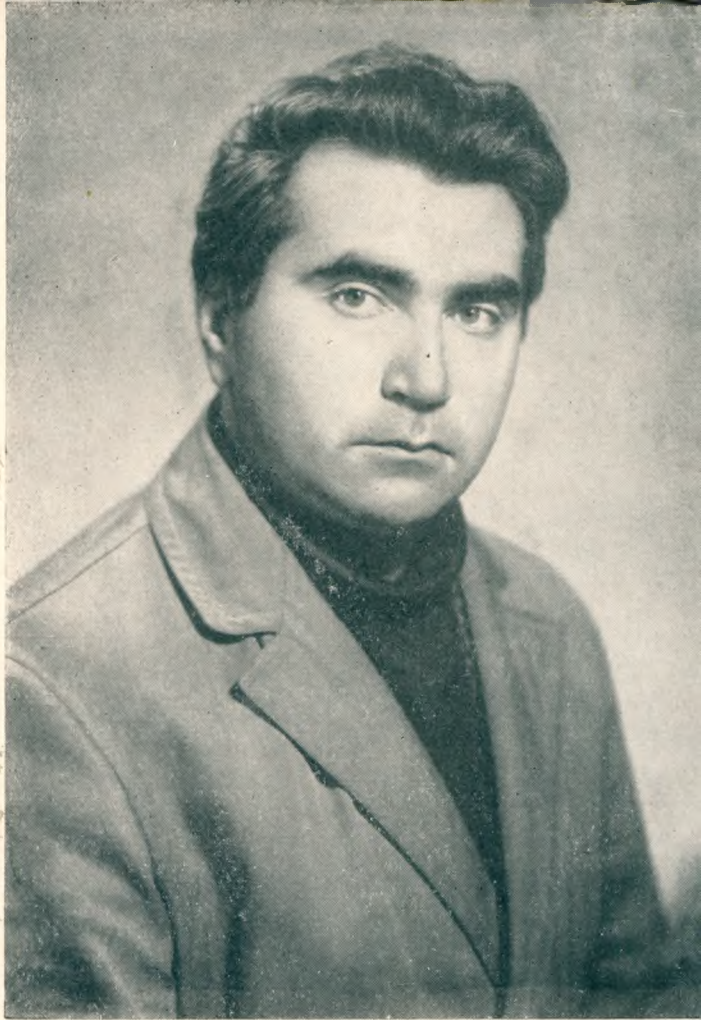

И. Б О Р И С О В

**ДОБРЫЙ
ЧАС**

И . Б О Р И С О В

**Исаак
БОРИСОВ**

**ДОБРЫЙ
ЧАС**

СТИХИ
И ПОЭМЫ

*Милой
семье
Штирелей -
а - мало до великой -
с искренней
симпатией*

Авторизованный перевод
еврейского

*Сергей
Борисов*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва • 1962

23 III 1955 г.

Исаак Борисов родился в 1923 году в Белоруссии. По окончании учительского института (1940 г.) работал преподавателем языка и литературы в городском поселке Стрешин.

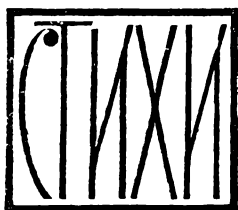
С осени 1941 года — в рядах Советской Армии. Был дежурным по радиосвязи Воронежского и 1-го Украинского фронтов, начальником личной радиостанции генерала армии Н. Ф. Ватутина, агитатором полка.

Начал печататься в 1936 году. Первый цикл стихов опубликован в журнале «Штерн» («Звезда») в 1938 году. Борисов выпустил на еврейском языке две книги стихов: «На зеленом берегу» (Минск, 1941), «В добрый час» (Москва, 1947).

Перу И. Борисова принадлежит также ряд очерковых книг, посвященных спорту и спортсменам.

Настоящий сборник впервые знакомит русского читателя с лучшими произведениями поэта И. Борисова.

В сборник вошли стихи о дорогах и битвах Великой Отечественной войны, новый большой лирический цикл о любви и верности, философские строки о времени, о грядущем... Книгу завершает лирическая поэма «Будь благословенна, жизнь!».

Времени дары

* * *

В тетради этой — что ни строки,
То жилки: кровь по ним течет.
Порой на слове — шрам глубокий
От боли, что, как плеть, сечет.

Здесь — тихой радости биенье, —
Непросто ощутить его!
Здесь — взгляда твоего горенье.
И холод взгляда твоего.

Здесь — мир, неведомый покуда,
Где сам подчас теряюсь я,
Тот мир, что постигать я буду
До окончанья бытия.

1962

* * *

Забыть нетрудно ненароком
Все, что изведал на земле:
Как ранен был любимым упреком,
Как радовался похвале;

Забыть, как ветерок-повеса,
Прильнув к тебе, тебя отверг,
Забыть суровый сумрак леса,
Зеленых листьев пересверк;

И даже солнце над долиной —
Палящий зной, слепящий свет —
Забыть нетрудно ночью длинной,
Отчаясь, что конца ей нет.

Но до последнего дыханья
Не позабыть того, с чем врозь
Ты жил от самой ранней-рани. —
Что грезилось и не сбылось...

1962

* * *

Здесь — крепости несокрушимей —
Лед простирался недвижим
Меж берегами снеговыми,
Как между двух морозных зим.

И все, что много или мало
Тут гостевало на ходу, —
Все неизменно оставляло
Отметины свои на льду.

Здесь были полосы полозьев,
Стальных коньков узорный бег,
И кто-то здесь проехал, бросив
Соломинку на сизый снег.

И вдруг пошло!.. Грохочет эхо,
Ломается, крушится лед...
Весны жестокая потеха!
Веселье пробужденных вод!

Все гибнет... Зимний мир расколот.
Два берега разлучены.
Растаял белый сон, как холод
В рассветной чистоте весны.

Чтоб люди сроду не узнали —
На широте какой, когда
Полет саней, скольжение стали
Изрезали поверхность льда,

Чтоб, утопая взором в небе,
Никто и вспоминать не смел
Соломинки печальный жребий,
Ее бесхитростный удел...

Но лед не сдастся так, я знаю, —
С судьбою спорить он готов.
Легко ль уйти, не оставляя
На свете никаких следов?

1962

РАДУГА

О, эти семь огней отрадных,
Семь струй, семи небес гряда,
Которым по законам радуг
Не тесно вместе никогда!

В них скрыта молнии секира,
В них притаился гром, дремля.
В них, как до сотворенья мира,
Смешались небо и земля!

1962

* * *

Видал ли ты, как падает в лесу
Подкошенное дерево, как тщится
Еще хоть миг прожить — хоть на весу, —
Готовое за небо зацепиться?

К листве соседей льнет его листва,
Траву моля помягче быть, в отчаянье.
Чем может дереву помочь трава?
Уменью одному — хранить молчанье.

1961

* * *

Я знаю: я, как все, не вечен.
Мне те же сроки жизнь дала.
И не отягощают плечи
Мне два божественных крыла.

Мороз, как всем, студит мне ноги,
И гром гостит в ушах моих.
Я, как и все, не лучше многих
И не счастливее иных.

Могу и слабым быть, и пресным,
И тягостным неволю...
Но что со мной, как только песня
Во мне взрывает немоту!

Со мною совладать едва ли
Всем дьяволам и всем богам,
Когда внезапно хлынут дали
К моим протянутым рукам.

Когда леса, моря и горы,
Огонь и пепел от огня.
Забыв про вековые споры,
Как братья, в сердце у меня.

Когда весь мир со всем извечным,
Смеясь, страдая и любя,
Кладет мне голову на плечи
И поверяет мне себя...

1961

* * *

День удалялся, заспешив
В другую область мироздания.
Но огненных небес разлив
Хранил земные очертанья.

И пламенел над головой
Закат... Всею жгучею тревогой
Он заклинал:
— О ночь, постой!
Нездешней красоты не трогай!

1961

ЭХО

Ты вземлешь эху с трепетом ребенка.
Даль безъязыка, но твои слова
Она, сквозь дрему услышав едва,
За гласным гласный повторяет звонко.

Она не льстит и не перевирает:
На радость — радость, на печаль — печаль
Так прямо нас обучает даль.
И за обмолвку каждую карает.

1962

* * *

В рассветный лес, в зеленый сон дубравы
С порывом ветра я вхожу опять.
Меня простят их благородья — травы,
Меня не станут птицы выдавать!

Но горечь мира, что осталась все же,
Вся боль — она еще не изжита, —
Весь опыт наш унять не в силах дрожи
Лучом зари пронзенного листа.

1961

* * *

Как я попал в столпотворенье
Деревьев голых, в мокрый сад?
Не осень, требуя смиренья,
Меня вогнала в этот ад?

Да, у нее повадка лисья —
Исподтишка грозит весне.
Но так деревьям снятся листья,
Что шум их дальний слышен мне!

1962

* * *

Искру ветру я хотел доверить, --
Запылали кровля, окна, двери.
Тайну, что реке я поверяю,
Мельница раскроет водяная.

Сердце, думалось, — мое всецело,
Но оно к любимой улетело.
Я воскликнул: — Справедливо ль это?
Был ответ: — Таков удел поэта.

1946

* * *

Первые стихи!

Созвучий

Первый спор и первый лад,
Горечь трав весенних, жгучий
Перворанний солнцепад;

И невидимая глазу
Дрожь росинки в облаках,
Радость первая, что сразу
С первым сном придет впотьмах;

Первый холод, снеговые
Первые сугробы, плеск
Половодья и впервые
Черного на белом блеск;

Слепота от первых молний,
Первый гром, как первый зов...
Очи серые, безмолвней
Двух грустящих голубков...

Первые стихи!

Годами

Был я отлучен от вас.
Как неузнанному вами
Воротиться к вам сейчас?

Знаю гнев немого грома,
Знаю дни черней ночей,
Мне доподлинно знакома
Та печаль, что всех горчей

Есть ответы на вопросы
Всех сердечных тайников,
И давно упали росы
Из проплывших облаков.

Кто же верность мне сберег?
Сад цветущий? Снег в овраге?
Снег растаял, сад поблек...
Только белый блеск бумаги
Верен черным блеском строк.

1961

ЖИВЕТ ОН...

Живет он. Ни коснуться, ни взглядеться —
Никак пока не ощутить его.
Но, словно тень, упавшая от сердца,
Уже он больше сердца твоего.

Он неизвестен. Темен или светел?
Каким бы ни был, светится и светит
И нежностью, упрямой, как рассвет,
Толкается и просится на свет.

Попробуй меж двух гор запрятать ветер!
Где тесно двум горам — родится третья.

1946

ДВА МОЛОТА

Ты в кузне был, где дым и чад
И в лад два молота стучат?

Ударит тот, что послабей,
И говорит другому — бей!

И сразу же за ним второй
Тяжелой рушится горой...

Вот так и сердце иногда
Заботит малая беда,

Пока нежданно за ней
Удар не грянет посильней.

1946

* * *

Ты видел ли падучую звезду?
Ей — отпылать и в травы прахом лечь.
Она летит и чертит борозду,
Похожую на занесенный меч.

Когда, сгорая, падает звезда,
Мне хочется кричать, будить людей:
Вставайте поскорей!

Стряслась беда!
Еще на каплю света мир темней!

1961

* * *

Я застал еще лето.

Пожаром

Желтых трав полыхает, поет.

И колючек зеленое жало

Наступить на него не дает.

Но едва в тишине предрассветной

С тихим скрипом журавль над колодезем

Оголенную вздыбится веткой,—

Сердце, вздрогнув, тревожно забьется...

1947

* * *

•

Сухое дерево, нагое
Глядит в бору особняком,
Бегущим с неба ручейком
Оно мне кажется порою.

Нет ничего земного в нем
Но это днем. А ночью всякий
Увидит, что оно во мраке
Приметней всех приметных днем.

1961

* * *

Кружатся молодые пары,
В немую ночь вовлечены,
Как боги, что лишились дара
Бесстрастия и тишины.

А руки замерли так странно,
Как будто кровь стекает с них,
И жгучие залечит раны
Лишь теплый трепет рук других.

1961

* * *

Придумать стену может человек
И, как слепой, поверив в эту небыль,
Держась за воздух, палкой тыча в небо,
Идти на ощупь будет весь свой век.

А тут как раз и подвернется ров.
Земная твердь порой весьма капризна.
Ты ищешь смысла в притче? Он суров.
Коль ров глубок, за это платят жизнью.

1961

* * *

Да, черноту волос непросто сохранить,
Когда идут года к четвертому десятку,
И гостя ранняя — серебряная нить
Грозится разрастись в седую прядку.

Ну что ж, встречай ее неустрашимо.
Не отвергай сияние седин.
Снега покрыли горную вершину,
Чтоб не померкнуть зелени долин.

1961

ПАМЯТЬ

Что мне поделаться с памятью своей?!
Не существует существа трезвей
И ненасытней. На ее скрижали
Приливы и отливы дней моих,
И явь, и сон, и пробужденья миг
Уверенно себя запечатляли.

Порой до помрачения в глазах
Какой-нибудь сомнительный зигзаг
Перечеркнуть в себе необходимо.
Не тут-то было. Память тут как тут.
Ее лучи неотвратимо бьют,
Палит ресницы вихрь огня и дыма.

Былые раны вновь кровоточат,
И в сердце грозовой клубится чад
Восторгов и страстей несбереженных,
Тех чувств, чей юный трепет чистоты
Со мной беседу до сих пор на «ты»
Ведет — и не нуждается в резонах.

Как с этой тонкой штучкой совладать,
Чтоб никогда не возвращаться вспять.
Чтоб на сердце опять не стало тошно?!
Порой забудет сердце и простит,
И состраданьем заштукует стыд.

Но память не прощает. Это точно.

1961

* * *

Я имени пока ребенку не дал,
Чтоб сон его не нарушали зовом,
Пока он входит в мир — пришелец новый, --
Как горная вершина входит в небо.

Я столько верст прошел, терпел лишенья,
Чтоб все пути ему открыты были.
Так соки отдает земля растенью,
Так дождь земле приносит изобилье.

1947

* * *

А миру — что, на самом деле,
Большой иль малый дан мне срок?!
Для плеч его я не тяжеле,
Чем ветром сброшенный листок.

Но жизнь моя
    травинки стержнем
В свой час земную твердь пробьет,
Зазеленеет в шуме вешнем,
С осенним шумом — отойдет.

1940

* * *

Я не могу насытиться никак.
Я этот мир познать хочу до точки,
До мелочи, до косточек в плодах,
До жилки на листке, до клейкой почки.

Кто дал мне столько затаенных сил,
Чтоб я светло и беспокойно жил,
Чтоб, за плечами груз годов неся,
Жил так, как будто снова родился?

1947

* * *

Мне жалко мира молодого,
Охапки облетевших лет, —
Всего, что не возникнет снова,
Что потеряло звук и цвет.

Кто виноват в его уходе?
Не время ль?
Время не виню:
В нем верность собственной природе,
Приверженность огня огню.

Оно ль с тобою было в споре?
Нет, помогало как могло, —
Пыталось ненавистью в горе,
Клинком слепило, зноем жгло.

Оно внушало не впустую,
Что вечность — мера бытию,
Из благ земных тебе даруя
Лишь трезвость позднюю твою.

Ты сам, ты сам всему виною,
Сам для себя источник зол, —
Со снежной белизной, с весною
Ты слишком рано счеты свел.

Мгновенья горькие нередки:
Чуть вспомнишь облик ранних дней,
И сердцу, словно зверю в клетке,
Все нестерпимей, все тесней.

Простите, юные, что с вами
Мне рядом хочется идти.
Седой, с усталыми плечами,
Я говорю: нам по пути.

Меж нами в этом мире щедром
Нет розни, я не одинок...
Так всадник неразлучен с ветром,
Так близок с ножнами клинок.

1961

* * *

Еще ты в мире этом сделал мало.
В рассветных росах спит грядущий дождь.
Но ты уже на все глядишь устало
И помощи ни от кого не ждешь.

Ты только половину жизни прожил.
Хоть мрамором дорогу замости,
Один из всех, ты ухитришься все же
Покрыться пылью, ноги сбить в пути.

Глядишь поверх людей. В бесплотной сини
Земную мудрость вряд ли ты найдешь.
Пусть голубые васильки красивы —
Как сорняки их отвергает рожь.

1947

* * *

Кто говорит, что взлеты света
Легко справляются с ночной
Тяжелой толщей? Трудно это,
Но искры жертвуют собой.

Кто скажет, что легко колодцу?
Уйдет родник, проступит дно...
Покой колодцу не дается.
Им быть — волнение одно.

1961

* * *

Юность, юность!.. В зыбкий мир пшеницы
Кинулся я за тобой вдогонку,
Птичьи голоса стучали звонко
В спину мне, не дав с дороги сбиться.

Над рекою, на мостках скрипучих,
Я настиг тебя — уже смеркалось, —
Но от влажных кос твоих осталось
Лишь две капли, две слезинки жгучих.

1961

* * *

Встань на заре, на небо погляди,
Траву биеньем сердца разбуди,

Блесни росой на ковшике цветка,
Раздуй легко, как ветер, облака.

Наполни дрожью колос молодой
И веткой покачайся над водой...

Встань на заре, проснись чуть свет — и вдруг
Поймешь, как нужен ты всему вокруг!

1947

Я ОКУНАЛСЯ В ПЛАМЯ

Я окунался в пламя для того,
Чтоб в солнце мог купаться мой ребенок.
Заплачено всей кровью погребенных
За молоко, что выкормит его.

И верю я, и счастлив я надеяться,
Что в этой жизни, чистой как родник,
Последним криком боли будет крик,
С которым мать подарит жизнь младенцу.

1946

* * *

Орел, взлетев, свое гнездо в самом себе несет,
Он даже рад, что окружен бескрайной пустотой.
А окрыленный человек, отправившись в полет,
Гнездо оставив на земле, весь мир берет
с собою.

1961

* * *

Не раз видал я смерть в бою
И спорил с ней у края бездны.
Жгло кожу юную мою
Ознобом тайны, что исчезну,

Что навсегда во тьму уйду,
А солнце лик вовек не спрячет
И белый пар на холоду
Тепло чужое обозначит.

Теперь я, осенью повит,
Шучу с костлявой беспрестанно.
Сквозь десять шкур меня знобит:
Уже не смерть, бессмертье — тайна.

Пускай крупницей тишины,
Движеньем ветерка останусь,
Лишь были бы они нужны
И тем, кому нужны,— достались.

1962

Сердцебиение

* * *

Костру известно ль, что горит,
Что пламя к облакам стремится,
Что руки жаром он живит,
Что растопляет наледь плит?

Воде ль известно, что течет
Туда, где дня и ночи сход,
Где скот бредет, где луг цветет,
Где моря синий разворот?

Поймет ли сердце власть свою,
Толкая красную струю,
Сжигая тело как хвою?..

Да, сердце знает власть свою.

1961

* * *

Писать портрет непросто твой,
Его набрасываю внове
Дыханья зимнего струей,
Голубизной текущей крови

Да робкой зеленью листка,
Чей цвет неотделим пока
От воздуха, от вешней дрожи,
Чьи очертанья — с сердцем схожи.

1962

* * *

Ты — ворожбы глухая сила,
Набег орды, обвал, гроза —
Взяла и чудом отделила
От сердца — стук, от слез — глаза.

Такое с реками бывает:
Свои покинув берега,
Другое русло пробивает
Во имя замысла река.

Она поток свой вдаль волочит
Сквозь мир чужой,
сквозь лед и зной,
Когда рекой уже не хочет,
А хочет быть морской волной.

1961

* * *

Ты видишь, мне под силу чудо:
С тобою слиться, стать тобой —
Так тает тень горы седой
В долине цвета изумруда.

И как стремится мирозданье
К земле — лучами всех миров,
Так я — к тебе: от первых слов
И до последнего дыханья.

1961

* * *

Дыханьем кожи, ощутившей
Твой жар, с тобою говорю,
Мельканьем тени, замутившей
Голубизной твою зарю;

Морозной немотою звонкой
И еле слышным, точно вздох,
Покорным стоном ветки тонкой, —
Мороз застиг ее врасплох!..

1961

РУКИ

Ты видишь? Две моих ладони —
Как две Земли, как две планеты.
Вот холм, равнина, вот на склоне
Ручей бежит, чтоб кануть в Лету.

Какая юность отшумела,
Какие ночи торопились!
Спеши и ты!

Читай же

смело

Руки развернутый папирус.

Читай внимательно отныне —
Два раза рук не предлагают.
И прикажи молчать гордыне,
Когда на верность присягают.

1962

* * *

Там, за твоим щитом — за кругом
Зрачка, лежит иная даль
С суровым Севером и Югом,
С горами «Радость» и «Печаль».

Там блещут новые зарницы.
Там — свой закат и свой рассвет.
Там красота — извечно длится.
Там юности — предела нет.

Я знаю — битва бесполезна:
Крепки щиты твоих зениц,
И все ж бросаю сердце в бездну,
На копыта острые ресниц!

1961

* * *

В весенней праздничной тревоге
Смешался солнца блеск с дождем.
Водой захлестнуты дороги,
Звенит, грохочет ледолом.

Капели речь еще невнятна,
Добреет камень от нее...
Такой бы ливень благодатный
Когда б на сердце на твое!

1962

ТРОПИНКА

Я знаю — скажешь ты в ответ,
Что тропка средь травы зеленой
Коснется ног твоих влюбленно
И за тобой пойдет вослед.

Но если лету минул срок,
В лугах — и желтизна и вялость,
И если средь чужих дорог
Твоя тропинка затерялась?

1961

* * *

Я верю в вечность доброты счастливой,
Как верю в бескорыстные дожди,
Что падают и оживляют ниву
И умирают на ее груди.

Я верю в вечность правды человеческой,
Как верю солнцу в небе голубом.
Что не гадают, чье лицо и плечи
Согреть своим негаснущим огнем.

Любви я доверяю, как рассвету,
Я верю всем словам, что молвишь ты,
И если ты обманешь, значит, нету
Ни правды на земле, ни доброты.

1961

* * *

Не распротиться мне с тобою,
Как травам с зеленью своей:
Трава падет перед косою,
Не став пред гибелью бледней.

Уйдешь — тебя верну я снова
Из рук беды в объятья рук,
Так свой замах не остановит
Коса, ударясь в камень вдруг.

Не надо, жизнь, мне славы звонкой,
Не надо счастья и красы, —
Дай стойкость мне травинки тонкой
И неподатливость косы.

1961

* * *

Как встарь, шепни мне имя «Иче»,
В трех кратких звуках ощутив,
Как реет жаворонок, клича
Подругу над разливом нив.

В тех звуках жизнь моя вместилась,
Весь долгий путь сказался в них —
От детских дней до губ твоих,
Готовых подарить мне милость.

1961

ТИШИНА

Ты знаешь, какая
Собой тишина?
Обличья меняя,
Нисходит она.

Прохладою горнею
Ранней весной,
И рыбкою в горле —
У чайки речной.

А в сердце людском
Тишина — холодок,
Над жарким костром —
Чуть приметный дымок.

Ты знаешь, любимая,
Что тишиной
Объемлется вечности
Ход неземной

И миг замиранья,
Когда в забытьи
Мечтаю признанья
Услышать твои?..

1961

* * *

Как воздух и крылья в полете, с тобой мы
близки.
Близки, как на дне с глубиною морскою — пески.
Смыкаемся мы, как смыкаются в вечном
сплетеньи
Лучи и рожденные солнцем их зыбкие тени.

Близки мы, а мир отдалился от нас, как волна, —
Отхлынув от берега, в море вернется она,
А мир отделился, как беркут от сумрака скал, —
Седым опереньем в рассветном огне засверкал.

1961

* * *

В твоих глазах еще дрожит смятенье
Таинственно мерцающих светил, —
Так длительно таится в свежем сене
Тот дождь, что ночью землю оживил.

Как гибельно тогда благоуханье
Травинок в ожерельях росяных!
Молчу. Ловлю огни в глазах твоих.
Воспоминанием зовут мое молчанье.

1962

* * *

За что я нежностью наказан
Там, где считает большинство,
Что твердость — качество алмаза,
А не лучистый блеск его?

И ты, кого не принуждали
Жестокосердной стать и злой,
И ты о звездной судишь дали
По отблескам на мостовой!

1961

РАССВЕТ

Не знаю: какою силой
Влюбленность в любовь влилась
Когда зарю подчинила
Полднейного солнца власть.

Но вдруг весь мир озарился,
Рассвет в мое сердце проник...
Незрячим на свет родился, —
Кто скажет, что это на миг.

1962

* * *

Можно ль, сердце, так стучать?
Люди нас со смехом судят.
Ваш покой ценю я, люди!
Не хочу вам доскучать!

Но когда бы я обнес
Этот частый стук и пламя
Равнодушия стенами, —
Стало б грустно вам до слез!

1962

ПЕСНЯ

На кручах встретиться сперва
С ветвистым деревом высоким;
Там в солнечный простор потоком
Струится нежная листва.

Потом лицом к лицу — меж круч —
Нежданно свидеться с рекою,
Влекущей по пути с собою
Обрывки неба, клочья туч.

Затем — с той тропкой... В пору сна
По ней до утренних мгновений
Последних рос и первой тени
Ступала только тишина.

Устать — и встретиться поздней
С тобой и радоваться чуду:
«Тебе искал я песню всюду,
А у твоих нашел дверей!..»

1961

* * *

Забуду, я должен забыть, я сумею
Разбить, раздробить твое имя на звуки.
О, это сцепенье сильнее разлуки,
Сильнее огня и желаний сильнее.

На звуки хочу разорвать это имя,
Чтоб каждый из них онемел в заточенье,
Один — в океане утратил значенье,
Другой — в облаках, проплывающих мимо.

На жестких камнях эти звуки посею,
На ветки повешу — пусть ветки качают,
Пусть с каждым в отдельности ветры кончают!
Забуду, я должен забыть, я посмею...

Но как опрометчива эта затея!
В растеньях, в жемчужинах, в облачном дыме
Окажутся звуки, окажется имя,
Которое снова услышу везде я.

И будет как было — скрещенные руки,
Ни проще, ни легче не станет нисколько.
Кто в силах разбить твоё имя на звуки?
Они, как живые, смыкаются в кольца.

1962

* * *

Провидицей попробуй стать.
Скажи, что нынче мне сулила
Рассвета чистая тетрадь,
Покамест не пошли писать
По небу красные чернила?..

Я намекнуть могу ясней:
Слова «сулила» и «чернила» —
Не просто рифма, это — сила,
А тайный смысл, сокрытый в ней,
Ковчега Ноева древней.

Ну, хватит!.. Заалел восход...
А ты — ты поняла прекрасно,
Что наш ковчег по лону вод
По-прежнему легко плавает,
Что жду ответа не напрасно...

1961

ЛИСТОПАД

И снова листопад, и снова
Он замечает все подряд —
Шаг беззаботный, шаг суровый,
Что след свой сохранить хотят.

И снова листопад, и снова
Заката пламенная медь
Лишь оттеняет блеск свинцовый
Травы, что хочет зеленеть.

И снова листопад, и снова
Навзрыд звучит из темноты
Той тишины
                                ушедшей слово...
Так видно, захотела ты!

1961

* * *

Как могло случиться это?
Как стряслось средь бела дня,
Что твои глаза — два света —
Отвернулись от меня?

Кто виною?.. Злая воля?
Глаз дурной?.. Иль приворот?
Я — в тисках жестокой боли.
Сердце словно раскололи.
Кровь свинцом налита, что ли?..
Тело мне рубаха жжет.

На ветру — листочек рвется
Прочь от ветки... Видно мне,
Как пылает и мятется
Чудо осени в окне.

И — совсем некстати ныне —
Высь на землю пролилась.

Мир сияет в благостыне...
Мне-то что до этой сини,
Если рядом нет в помине
Синевы любимых глаз?!

1961

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Все сеет, сеет первый снег,
Первый и нескитанный...
То сердце белизны во сне —
О щит земли стучит оно.

Идет всю ночь. Идет, слепя, —
Все шире, шире сеть его...
И для меня, и для тебя,
И для кого-то третьего.

Быть может, чудо здесь вершат —
Единственное, важное,
И я — сквозь зыбкий снегопад —
Увижу губы влажные,

В которых грозы и жару,
Венчая, лето спрятало,
Омыли росы поутру,
А пламя запечатало.

1961

* * *

Но что тебя к моим стихам
Влечет? Иль звук чужого слова,
Иль ты из любопытства злого
Все ждешь, что я себя предам?

Когда, пытая каждый стих,
Ты в душу мне глядишь как в бездну, –
Гадать и думать бесполезно:
С чем ты уйдешь от строк моих?

Давно тебя спросить хочу,
Но потерять страшусь заранее
Еще одно очарованье...

Не огорчайся, я молчу.

:962

* * *

Ты говоришь, твой щедрый дар
Я не ценю, забыв о многом...
О нет, клянусь как перед богом,
И мне порукой — сердца жар:
Твой дар бесценен — ты сама.
И все ж я знаю — он не полон,
И мне от этого тяжел он,
От этого схожу с ума...

1962

* * *

И вечность предо мной обнажена,
Когда поутру поднимаюсь в горы.
На сердце — солнце, и тревожит взоры
Та даль, что от земли отрешена.

И вечность для меня обнажена,
Когда тону в твоих глазах лучистых, —
Там блещут набегающие искры,
Как звездные — во мраке — письмена.

1962

* * *

Вот отпылало солнце. Небеса
Так по-земному мглисты. И в молчанье,
Как бы твое далекое дыханье,
На плечи мне спускается роса.

Костром тревожным я прорежу мрак,
Я разбужу огонь во имя милой.
Одно прошу: меня завидев — мимо
Не проходи. Ну, хоть замедли шаг...

1961

* * *

Спроси у ветра вольного,
У стебля на ветру, —
Своей судьбой довольны вы,
Она вам по нутру?

Спроси ручей и отблески
На нем, — их зыбкий бег :
В неуловимом облике
Им по сердцу ль навек?

Спроси у неба ясного,
У тучки огневой, —
Была ль их жизнь напрасною,
Была ли неживой?

Без всякого стеснения
Спроси меня теперь, —
Кто на заре весенней
В мою стучится дверь?

Не стану я таиться, —
Спешит на мой порог
И в дверь мою стучится
Рассветный ветерок.

Зовет, прильнув к окошку,
Небес голубизна,
Чтоб я ей понемножку
Доверился сполна.

Заветными ключами —
Рассветными лучами
В тот миг передо мной
Открыт простор земной.

Столь неподвластен срокам
Порядок бытия,
Что, может, ненароком
С тобою встречусь я...

1962

✽ * ✽

Нет, не могу я тебе я постучаться,
Когда вся в пятнах солнечных трава,
А с неба к ним струится синева
И суждено вот-вот им повстречаться.

Не постучусь, когда ночной дремотой
Весь мир объят и звезды счет ведут
Росинкам на траве — нелегкий труд!
Но и самим-то звездам нету счета.

В рассветный час ли, вечером ли поздним, —
Не слиться нам, как солнцу с синевой.
Так звездам, что горят над головой,
Лететь без рос по их дорогам звездным...

1961

* * *

Шагни —

и вот пределы рая...

Трава — зеленая река —

Нас увлекает, отражая

В розе рассвет и облака.

Нет воздуха. Твое дыханье

Отныне в мире, и вдали

От нас на звездном расстоянии —

Боль человека, зов земли.

Есть только ты да я. Вокруг

Ни ветерка, ни дуновенья.

И рук твоих прикосновенье

Испепеляет вечность вдруг.

1961

* * *

Когда тебя закружит шумный город,
Ты, близкая, опять мне далека.

Тогда меня

смятенье

гонит в горы,

Где омывают гребень

облака.

Там пропасти — следы бывшего боя;

Они как шрамы...

Стоя на краю —

О, странный мир! —

чужой, огромной болью

Излечиваю

тихую, свою.

Там зацветают лунные поля,

Блестят потоки,

Стынет млечный иней.

Я назову твое родное имя,

Мне отзовутся небо и земля..

Но я улыбку вижу: «Погоди,
Ах, фантазер... Вершины! Пропасты! Иней!»
Я был там,
        был
        Не веришь ты? — гляди:
Мне не хватает воздуха донныне.

1962

Тебе я не прощаю ничего —
Ни слабости, ни малого проступка.
Я глохну,

я оглох от твоего —

В чужие двери — тоненького стука.

От сумерек чужих в твоих белках,
От ветерка чужого на губах
Я слепну,

слепну,

света я не вижу...

Прости меня, любимая, прости же!

1962

* * *

Ты ночи у меня крадешь, —
Меж тьмой и мной стоишь, как пламя,
Снега взметаешь ты кострами
И спор со звездами ведешь.

Я не могу глаза сомкнуть,
Спастишь от яростного света,
Не верю, что когда-то, где-то
Моей тоски прервется путь.

Не отступаешь ты и днем,
И вижу солнце я в тумане
Недобрых предзнаменований,
И падает сквозь сердце гром.

Слезой ты застишь мне зрачки...
А годы мчатся, годы мчатся,
Чтобы расстаться нам, расстаться,
Земле и небу вопреки.

1962

* * *

Когда меня доставят в высший суд,
У ног владыки связанным положат,
Взмолюсь:

«Освободи меня от пут,
Дай напоследок мир обнять, о боже!»

Стой, ангел смерти, бью поклон земной:
Топор свой удержи перед глазами,
Чтоб в зеркале стальном блеснул и замер
Ее печальный лик передо мной.

1962

КОГДА ЮНОСТЬ В БОЙ ИДЕТ

Мы в битву шли — и матери старели,
Седым вернулся я под отчий кров.
Мы испытали все это на деле,
Когда нам зябко было у костров.

Уже бледней над полем стала просинь,
Гнездились мыши жирные в стогах.
Из лета мы шагнули прямо в осень
Мальчишками в армейских сапогах.

Мы зарывались в землю в час привала, —
Как были корни толстые крепки!
И часто пища в горле застревала —
Мы лишние считали котелки.

А рядом с нами Днепр дышал натужно,
За нами рвался он из берегов,
Ему уйти, казалось, было нужно
К пшенице тучной, к тишине лугов.

Мы ранами клялись: пока живые,
Укорениться здесь, куда пришли.
Да, нас родили матери в России,
Чтоб мы не бросили украинской земли.

ПРИВАЛЫ

По кратким привалам мы жизнь расчисляли.
Сдан Киев. Под Харьковом мы бедовали.

А осень дороги размыла дождями —
Мы вязкую глину месили ногами.

И дальше шагали, шагали, шагали,
И тени ночные шагами пугали.

Нас сон на ходу настигал, как погоня,
И люди валялись, и падали кони.

Но вновь поднимались мы еле живые
И вновь становились в ряды боевые.

И вновь мы шагали, забыв про усталость,
Как будто шагали из юности в старость.

О, если б не эти скупые привалы,
То песни забыли бы петь запевалы.

Мы шли через села и через местечки,
И лили дожди, и вздувались речки.

Уж Киев растерзан и Харьков разрушен.
И все же надеждой горят наши души.

Прозрачные ливни падут на равнины —
И мы возвратимся к тебе, Украина.

КОНЬ

Стал конь среди заснеженных лугов.
Но что сумело ритм походной рыси
Прервать? Иль этот ровный блеск снегов?
Иль этот странный холод звездной выси?

Иль на снегу волокна сена он
Заметил — и увидел полдень душный
И в памяти его соткался сон
О ласточках, о крыше над конюшней?

И я сидел, не понукал коня,
Чтоб он забыл, что шпора есть стальная.
Он это оценил. И нес меня
Потом всю ночь.

Усталости не зная.

КОГДА Я УПАДУ В ТРАВУ

Когда я упаду в траву
И время перестанет длиться,
Звезда со мною не затмится,
Ради которой я живу.

Лишь рухнет дерево одно
Зеленой тучей на опушке,
И слышать вещей счет кукушки
Уже мне будет не дано.

И ночи будут холодней,
И снова будут дни погожи.
И та, что всех была дороже,
Взгрустнет о юности моей.

* * *

В плоть, в кровь, в меня всего вошел свинец —

И это

Такая боль, что нет страшнее ничего.

У Дона я лежу, а сердце бьется где-то —

Так далеко, что не убить его.

КОСТЕР

О маленький костер в пути!
Ты больше солнца, что, вдали
От горьких горестей земли,
Не знает, каково идти
Сквозь зыбкий мрак в лесу глухом,
Где ночи отдыхают днем.

О маленький костер в пути!
Тебя прошу я: братом стань мне!
Тебе отдам свое дыханье,
Чтоб ты не гас.

Гори, свети,
О маленький костер в пути!

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Здесь владенья зимы. Холода.
Всю округу морозы сковали.
Хоть две жизни имей —

и тогда

Эту стужу осилишь едва ли.

Горы снега за нашей стеной.
Снова выдался день непогожий.
И пейзаж за окном — не земной,
А скорее на лунный похожий.

Часовому не вынуть кисет.
Зги не видно в сумятице белой.
А мне двадцать исполнится лет
Этой полночью оледенелой.

А шинель часового бела.
А солдат коченеет от ветра.

Но сегодня полночи тепла
Он мне дарит —
от сердца и щедро.

Заметает метель его след.
Хлопья снега на плечи садятся...
Засыпаю.

Мои двадцать лет
Завтра Родине пригодятся.

* * *

В осеннем черкасском лесу,
Где падают листья,
Деревья и люди,
Меж двумя залпами,
Как огонь на весу,
Мгновенна минута затишья,
Минута иллюзий.

Ты есть.
И с бессмертием равен судьбой
На торфе, хлебнувшем горя,
Лежишь и слушаешь,
Как под тобой
Дышит какой-то корень.
И росы нетронуты и густы,
И в каждую каплю
Глядишься ты.

И пуля прошла
Между холодом ветра
И теплотою рта

Не чтобы убить, —
Чтобы, верно,
Рань оставалась щедрa.

Ни пуля она,
Ни свинцовая гиря,
Ни жизни и смерти весы.
Это всего лишь
В безмерном мире
Капля железной росы.

Лягушка квакает голосисто,
Брюшко прижимает к кочке мшистой.
И слабой травинке
Это не в тягость, —
Уходит травинка в земную мягкость.

Но... тише.
Кончается срок затишья.
Трепетна минута иллюзий.
В бору черкасском
Падают шишки
И сами деревья.
И люди...

НОЧЬ У ДНЕПРА

Нас было трое. Нас ждала:
Смертельная беда:
Накрыла б всех и погребла.
Днепровская вода.

Нас было трое. И троих
Мы в сердце принесли —
Желанных, самых дорогих —
И свято сберегли.

Мы в эту ночь за шестерых
Не спали напролет.
И все гадал я: «Чью мечту
Гром битвы оборвет?»

А ночь была черным-черна
И черен водный путь.
Днепром прикрылся враг от нас,
Днепром, не чем-нибудь!

Когда-то я мечтал пройти
Пешком по всей стране:
До самых дальних рубежей
Дойти хотелось мне.

Тяжелый час. Весь путь пройден.
Днепровский ветер свеж.
Я скользкий трогаю понтон:
«Неужто здесь рубеж?..»

О, если б жизнь моя, как мост,
Простерлась над Днепром,
Чтоб перейти моим друзьям
И в бой вступить с врагом!

Ты думала ли обо мне,
Когда в ту ночь без звезд,
По горло стоя в быстрине,
К тебе я строил мост?

ВОСЕМЬ СУТОК

Девятые сутки в лесу для полка
Был март и вконец обнаглела зима:
В гостях напилась без стыда, без ума,
И ветер трепал, как белье, облака.

Траншейной стеной горизонт перекрыт.
Лишь Млечный единственным стался путем.
Прожектор жег небо колючим лучом,
Как будто в тревоге — что кто-нибудь спит.

Последним бензином делился шофер:
Последний бензин, чтобы пёчь растопить.
Нет связи. Радист наш не знает, как быть.
Оглох от безмолвья. До коих же пор?..

Мы штаб вызывали опять и опять:
«Снарядов и хлеба! Еды и огня!»
И выбор полковника пал на меня:
«Гранаты возьмешь...аппараты взорвать...»

А сон нас покинул на восемь ночей.
И зов наш в немую летел тишину,
И даль безответно вбирала волну, —
Мы помощи ждали, неведомо чьей.

Но так уж, видать, предначертано нам, —
Что смерть перестала хозяйкою быть,
Что смог двухсотверстную стужу пробить
Язык нашей рации к чьим-то ушам.

Пурга до Проскурова шла за полком,
За пазуху к нам, как младенец, просясь.
В избе на небритой щетине у нас
Сосульки растаяли над котелком.

ВЕСНА

На рассвете все еще зима
По дорогам скованным лежала,
И весна неожиданная сама
Никому еще не угрожала.

Но прибыть решилась на войну,
Подшутить над старшим лейтенантом,
И попал внезапно я в весну
Со своим армейским Росинантом.

Стала лошадь бедная моя,
Будто бы ошибку допустила,
Посреди весеннего ручья
Голову смущенно опустила.

Ну, а мне отраднo через год
Снова повстречаться с ручейками
И почуять холод вешних вод
На полях, оставленных врагами.

Чтобы взор и сердце оторвать
От весны — нам сил немало надо.
Нам на запад двигаться опять,
Где ворчит угрюмо канонада.

Оба возбужденные весной,
Мы стоим. Снега осели, тая...
И я слышу, слышу за спиной,
Как шумит пшеница золотая.

ХЛОПЧИК ИЗ ЛАНЦУТА

Мальчишка завтрак подавал на стол
Чужим солдатам подкрепиться.
И нам казалось: свежий май пришел
В сорочке из простого ситца.

И весь-то завтрак — крынка молока
В росинках слез. А сладость какая!
(Всем по глотку, — чай, рота велика!)
Медовая и травяная.

Нам нравилось брать на руки его,
И вот он, легкий точно птица, —
Лицо в рукав, и слезы у него,
И вроде нежности стыдится...

Поднять винтовку нелегко ему,
Но он напрягся — и ликует.
Еще оружие дали одному,
Еще одна полячка затоскует.

* * *

Солнце люблю не за то, что жаром
Меня обдает среди голых полей,
А за то, что сейчас
на крылечке старом
Согревает колени мамы моей.

Ночь люблю не за то, что вволю
Сплю на шинели в эти часы,
А за то, что дышится легче полю
И вьет вечностью от росы.

И жизнь люблю не за то, что славой
Воздаст мне, когда упаду в бою,
А за то, что ребенок
ручонкой слабой
Обнимет однажды шею мою.

КРАСНОГВАРДЕЕЦ

Когда ценнейшие перебираем клады,
Что издавна земля в себе хранит,
Нам вспомнить прах красногвардейца надо —
Он вечности самой принадлежит.

Он превратился в юные побеги,
В тяжелые узлы литых корней,
Чтобы земле вкушать плоды победы,
Чтоб солнце не затмил никто над ней.

ПЕРВАЯ ТИШИНА

И была тишина.
Мы могли
на руках ее взвесить.
И такая была тишина,
что мы слышали явно:
снова жадные корни
весеннюю влагу сосут.
Было слышно,
как птичья любовь
между ветками дышит.
И звенело молчанье,
и билось,
как щука в траве.
И была тишина,
и глаза
узнавали глаза —
человек человека
окликал
на великом земном языке
тишины.

9 мая 1945 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Спрошу у звезд и у ветров,
Коль солнце сникнет, догорая:
Как мне найти родимый кров,
Дорогу до родного края?

Пускай усталость валит с ног,
Пусть я оглох от злого грома;
Услышу зов земли: «Сынок,
Как хорошо, что ты уж дома!»

2

А в поле рдеет красный мак,
В лучах багряных реют пчелы.
Стою.
Сквозь светлый полумрак
Закат струится на столы.

И вот родимый мой порог.
О чем ты, сердце, загрустило?
Ты веришь, что за долгий срок
Отчизна сына не забыла!..

ПОЭМЫ

Меню

I. В ГОРОДЕ БАДЕНЕ

Облитый солнцем, Баден желт.
Горячий ветер щеки жжет,
Как будто камнем стен своих,
Полдневным жаром мостовых,
И небом желто-голубым,
И серным запахом глубин,
И виноградников пылью
Весь город дышит мне в лицо.

Здесь выглажен любой аршин
Асфальта со следами шин:
Везде, куда ни бросишь взор, —
Чуть видный рубчатый узор.
Но город словно онемел,
Оглух, ослеп, окаменел,
Как будто бы не так давно
Таилось здесь морское дно.

Иду по городу, солдат,
Мой каждый шаг суров и свят,
Как приговор суда, как гром
Над обезумевшим врагом.
Мой шаг тяжел, многоречив.
Я, жизнь от смерти защитив,
Солдатской чувствую душой:
Мне этот мертвый мир — чужой.

И только, шпиль вонзив в зенит,
Гранитный памятник стоит.
Сверкает яростная медь —
Под солнцем ей века гореть.
Здесь триста лет тому назад
Чума косила все подряд.
И этот памятник тому,
Кто одолеть сумел чуму.

Невольно я замедлил шаг.
Отрадно как, прекрасно как
Дыханье свежее камней!
Оно любой жары сильней,
Что налегла на города,
Где злая топала орда,
Где Гитлер свил под сводом тьмы
Гнездо коричневой чумы.

Еще движенье ветерка
От взмаха вражьего штыка
Здесь сохранилось. Здесь исток
Больших разбойничьих дорог.

Еще из раны льется кровь,
Та рана глубока, как ров,
Где средь сплетения корней
Крик матери затих моей.

II. ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я помню, было: мы идем,
В глаза мне хлещет снег с дождем.
А так бывает лишь весной —
И с неба ливень навесной,
И в сапогах твоих вода,
И от нее ты — никуда.
Недобрым днем нас встретил так
Германский город Гутентаг.

О, будь неладен, Гутентаг,
Добытый кровью трех атак!
Твой ветер около лица
Промчался с посвистом свинца.
Свинцу путей окольных нет:
Хоть им ты нынче не задет —
Он продолжает свой полет,
Он в сердце мира попадет.

Был день, но это не был день.
В ушанке, сбитой набскрень,
Сквозь снег, и пепел, и пожар:
От дома к дому я бежал.
С горячим ППШ в руках,
С чужой землей на сапогах.

Казалось, в этой дымной мгле
Земля ступает по земле.

А может, ночь давно пришла,
Когда б не багровела мгла.
Не помню. Может быть, и ночь...
Другое помню, все точь-в-точь
Как было: Гутентаг в огне,
И на обугленной стене,
Как черный призрак страшных лет,—
Он, сотканный из тьмы ночной,
Безмолвный черный силуэт.
Из тьмы возник передо мной,
О, черный человек! Опять
Тебя пришлось мне повстречать.

III. В ГОСТЯХ У МОЦАРТА

Искал я улицу и дом,
Искал и горевал о том,
Что вместо дома, на беду,
Руины дымные найду.
Возможно, дома больше нет,
Погас, быть может, вечный свет,
Исчез, быть может, даже след
Бессмертной славы прошлых лет.

Но — счастье! — дом его стоит.
Я слышу дробный стук копыт;
Как бой часов и стрелок бег:
Здесь жил великий человек.

Смерть не взяла здесь ничего —
Здесь всюду музыка его
Здесь гений с музами дружил —
Великий Вольфганг Моцарт жил

Вхожу. Душа одним полна.
Здесь гость не я, а тишина.
И кажется, среди тишины
Еще его шаги слышны.
Портрет. Улыбка на лице.
Дыханье — в солнечной пыли,
Такой же нежной, как покров
На крылышках у мотыльков.

О Моцарт, с детства — не таю —
Почувствовал я боль твою:
Мне Пушкин рассказал о ней.
(Мне было с каждым днем больней.)
Ту боль сквозь горькие года
Я наконец принес сюда.
Клянусь — на твой порог вовек
Не ступит черный человек!

Да, это он! Знакомый взгляд.
Его смертельный злобный яд
И ныне страшен для людей.
Прости мне, Вольфганг Амадей,
Что гнев, отточенный в борьбе,
Я обнажаю при тебе,
Что, дверь твою открыв плечом,
Перед тобой стою с мечом.

Покуда черный человек
Живет, вода прозрачных рек
Мне будет солоней морской
И хлеб — черствей земли сухой.
Над Венским лесом ветерок,
А мне сдается — он бы мог
Разрушить памятник тому,
Кто одолеть сумел чуму.

Я бодрствую, но мнится мне,
Я смутно вижу, как во сне,
Средневековый шумный Рим,
Костер зловещий, черный дым,
Джордано Бруно у столба.
Но тает Рим. Трубит труба.
И вдруг за дымной пеленой
Берлин встает передо мной.
Опять костры открылись мне,
Где Правда корчится в огне,
Где Совесть — прах и Разум — прах,
Где книги гибнут на кострах.
А черный человек? Он — вот.
Он здесь. В огонь дрова кладет.

О Моцарт! Нежен этот звук,
Но сколько горя в нем и мук!
Так знай: возмездья не избег
Твой недруг — черный человек.

IV. ДОЙДИ, МОЙ ЗОВ!

Когда прозрачен светлый день,
Имеет ли значенье тень?
Лишь ветерку резвиться с ней
Да бабушкам пугать детей.
Порой у тени странный вид:
Она то рядом, то сбежит,
Появится — и нет опять,
Ее не станут вспоминать.

Другую тень не забывай!
Из края в край, из края в край
Над ширью вод, полей, лесов
Промчись, мой беспокойный зов!

Той тени не прошла пора:
Ее испанские ветра
Несут через зеленый дол —
И сразу дол угрюм и гол,
В застенке сын, убит отец,
И слезы женщин — как свинец.

Вставайте, зов услышав мой,
На бой с коричневой чумой!
Та тень шагает напрямик
С материка на материк,
Таится в глыбе ледяной,
Мутит моря, как водяной.
Ту тень на весь Двадцатый век
Отбросил черный человек.

Проникнет яд его в слезу —
Бельму остаться на глазу.
Проникнет в атом — и напалм
Огнем взлетает выше пальм.
Туземцев хижины горят,
И снова не сочтешь утрат.
А дым все гуще, черный дым,
Он к людям тянется простым,
К потомкам нашим, к нам самим. —
Из Вашингтона черный дым.

Пройди, мой зов, по всей земле!
Вино ль на праздничном столе,
Иль корка хлеба на троих —
Напомни: смерть у дома их.
Пока убийца черный жив,
Лети, мой яростный призыв,
Из края в край, из края в край.
Буди, покою не давай!

1948

Будь благословенна,
Жизнь!

Горел, я помню, торфяник
В лесу, от нас недалеко, —
Не от пожара ли возник
Тяжелый жар в моей руке?

Был в черный день родимый дом
Сожжен и разорен дотла, —
Не обернулась ли с гнем
В пригоршке стывшая зола?

У блиндажа пылал костер.
Держа над искрами ладонь,
Я руку грел, — не с тех ли пор
В моей руке живет огонь?

Еще — в какой-то смутный час
Коснувшись ласковой рукой
Горячей шеи в первый раз,
В себя впитал я жар чужой, —

И вот, быть может, оттого
Моя рука полна огня?
А может быть, ото всего,
Чем жизнь так щедро жгла меня?..

I. МОИХ ВЛЮБЛЕННОСТЕЙ — ТРИНАДЦАТЬ...

1

Под ранним ливнем день светлей,
Земля мягка и снова
Покрыться прорезью колеи
Податливо готова.

А небо — голубая сеть,
Где пленные пичуги
Не устают о чем-то петь
На радость всей округе.

Село — корабль, и он вот-вот
Под скрип дрожащих ставен,
Кренясь над ширью трав и вод,
Свою покинет гавань,

Чтоб плыть, мешая сон и явь,
По рябизне зеленой;
И с ним готов пуститься вплавь
Наш двор замороженный

В просторный мир твоей мечты,
И там вполне свободно —
Раскрой окно, увидишь ты
Кого душе угодно...

Но вдруг — и ливень, и пары
Весеннего угара
Пронзает звонкий крик сестры:
«Мать идет с базара!»

И со двора плывает в дом
Вослед вошедшей маме
Теплынь, пропахшая дождем
И мокрыми ветвями;

Влетает ветер вместе с ней
И обдает нас влагой;
Раскрыты двери — из сеней
Несет пасхальной брагой.

Что это? Облачко бредет,
У облачка — копытца,
Оно приоткрывает рот,
Испуганно косится.

Переступив через порог,
Теленочек вошел к нам,
Покрытый с головы до ног
Блестящим влажным шелком.

По хлеву забытому
Теленку ль не скучать
И по чужим
Копытами
Воротам не стучать?

Он день-деньской печалится,
Он от тоски без сил,
В изнеможенье валится
На вымокший подстил.

Где мать? Она лизала бы
Сейчас бока ему...
До этой горькой жалобы
Нет дела никому

Терзаемый печалью,
Он голосит навзрыд:
Где, за какими далями
Лужок родимый скрыт?..

Пастух дремал под деревом,
Пережидал жару,
И вдруг теленка серого
Хватился ввечеру.

Обрадованы этой вестью чудесной,
Туда и шагаем мы тропкой лесною.

Вот гриб — его шляпка росой омыта,
Он крепко стоит на единственной ножке,
А вот земляничка, под листиком скрыта,
И венчик зеленый ей тесен немножко;

Вот дерево с ульем — оно, как ребенка;
Качает его и баюкает сонно;
Какая-то птичка чирикает звонко.
— Потише! — но нет на нее угомона...

Колхозники с пожни шагают навстречу,
Проходят по гати, и светлые косы,
Как полосы солнца, легли им на плечи...
И мама опять начинает расспросы.

И вот впереди — хуторские домишки,
Мы столько прошли — неужели без толку?
Но издали слышится возглас мальчишки:
«Я знаю, вы ищете серую телку!»

6

Во все оконницы по солнцу вдето,
И зной везде нещадно травы сжег...
Теленку все мерещится, что где-то
Сочна трава, прохладен ветерок.

В руках у матери моей
душистая трава,
И он уходит по глаза
в корытце теплых рук.

А путь наш долог — то идем,
а то и постоим,
Уже взаправдашняя ночь
луга застлала мглой,
Лягушки сонные глядят
из топи луговой
И словно уходить велят
молчанием своим.

Теленок так и льнет ко мне, —
видать, признал меня,
Он доверяется траве
у матери в руках...
До срока вечер подошел,
оставив нас впотьмах,
В тумане на краю земли
сгорел остаток дня.

8

Тринадцать весен в жизнь влюблен я — маловато,
И жизнь в тринадцать лет делами небогата.

Я другу на плечо не клал ни разу руку,
Чтоб бодрости придать иль облегчить разлуку.

Я заблудившихся не выводил к дороге,
Мне совесть не несла ни мира, ни тревоги.

Моих тринадцати влюбленностей не мало,
Чтоб чувствовать, кого вблизи не доставало,

Чтоб знать — пусть я бедняк, мне век
не пребывать им,
И две моих руки раскроются объятьсям.

Тяжелый жар от них пойдет огнем по крови,
И много тайного откроется мне внове.

Моих тринадцати влюбленностей сиянье
Я солнцу рад отдать, заткать в его пыланье.

Тускнея, отпылав, чтоб не светить нам больше,
Оно сияло бы одним мгновеньем дольше.

II. СЛЫШИШЬ, МАМА...

1

Не потому с мешком заплечным
Покинул я свой край родной,
Что мне травинкам было нечем
Платить за жемчуг росяной;

Что, в сны вторгаясь, птичьи крики
Меня будили поутру;

Что дочиста кусты черники
Пообобрали мы в бору;

Что стало мне простору мало,
А плечи стали широки;
Что мать уже не доставала
Губами до моей щеки...

Я потому свой край покинул,
Что дом родимый — горе мне! —
В кругу берез осенних сгинул,
Лежал в развалинах, в огне...

2

Белеют рвы под Богучаром,
Кругом — не кошены луга,
Кругом — не сметаны стога,
В ручьях осенних гнить стожарам

В известняках под Богучаром
Заброшенные рвы белы,
Не зря не слышен визг пилы,
Стук топора замолк недаром.

Белеют рвы под Богучаром,
Как стальные глаза беды,
От них, от них ведут следы
В мой край, охваченный пожаром.

Белеют рвы под Богучаром,
Над запустением скорбь,

Дверьми раскрытыми скриля.
Гуляет ветер по амбарам.

Белеют рвы под Богучаром —
Разрыта рвами грудь моя...
Слетелись тучи воронья
И пищи ждут, кружа над яром.

3

Бежали — глазами вода замутненными,
Бежали — рогами качая склоненными,
С родного лужка, со двора, из закута,
Бежали из собственной шкуры как будто.

Бежали стадами они всполошенные,
Сквозь рожь и пшеницу, под зноем возвращенные
И яростно били копытом, коленом
Колосья, грозившие гибельным пленом.

Бежали лесами, горящими рощами,
Огонь пробивали хребтинами тощими,
От вымени шел черный жар, и тело
От спекшегося молока пламенело.

Бежали...

А ветер ножами скрещенными
Носился над шкурами их обожженными,
Свисавшими клочьями, струпьями рваными,
И кровь засыхала над потными ранами.

4

Ее ль я мог средь тысяч не узнать!..
Они у Дона сбились диким стадом,
Глядели, словно бы желая взгляדם
Заставить отвердеть речную гладь,

Чтоб на берег на тот свой страх нести..
Уставилась в меня кровавым оком
И спрашивала, кажется, с упреком:
Где хлев — конец безумного пути?

Где, наконец, доить ее должны?
Где запасенные порой горячей
К зиме стога травы полуувядшей,
Хранящей запах лета до весны?

И я оглаживал ее бока,
Я к «белой зорьке» льнул щекою жаркой, —
Смотрели жалобно ее товарки,
Не пряча увлажненного зрачка...

5

Я позади себя мосты сожгу
И через Дон переметнусь волною,
А нужно — берега свяжу собою,
Все совершу, что совершить смогу.

С мольбою припаду к донской воде:
Залей дороги, затяни их тиной,

Пусть станет недругу земля трясинной,
Пусть не найдет спасения нигде.

А нам — довольно пятиться!

Другой

Для нас не уготовано отчины,
На рубеже меж гибелью и жизнью
Зубами дрожь перегрызи и стой.

И легкой смерти не ищи ты сдуру.
Когда ж в бою твой черный час пробьет,
Будь львом, который умирать идет,
Таща с собой и кровь ловца и шкуру.

6

Говорю — слышишь, мама! — с поля, с того,
Где во тьме впереди не видать ничего,
Где легко повалиться и трудно шагнуть,
Говорю, а холод вползает в грудь,
Говорю, и хрустит на зубах песок,
И товарищ умолк — досказать не смог.

Я приник всем телом к родной земле,
Не берет меня сон и в кромешной мгле,
Ты доверилась мне, и — одно в голове:
Мне нельзя остаться лежать на траве...

Говорю — слышишь, мама! — услышь меня:
Твою жизнь проношу я сквозь море огня,

В ней сыновнего сердца горячий стук,
В нем надежда твоя — твой желанный внук.

Из корней рассеченных капает сок
В мой окоп, мне на голову, на песок,
И вверху где-то там обмирает сосна...
Я хотя и большой, и траншея тесна,

А в себе еще детство свое несу,
Словно бродит оно за теленком в лесу,
От стыдливости юность не отлучена,
Не узнала еще своей песни она.

Говорю — слышишь! — с поля, где вспыхнула мгла
И рывком меня на ноги подняла,
Слышишь, мама! Услышь! — говорю с тобой
За минуту одну
до ухода в бой.

III. МАК НА ОДИЧАВШЕЙ ГРЯДКЕ...

1

Я вернулся домой,
В дороге от века места,
Не как птица весной
В милый мир обжитого гнезда...
Птица путь забывает туда,
Где гнездо разорила беда.

Я вернулся домой
Не как в лоно морское волна...
Побывав за чертой,
За песчаной границею дна,
Окатившая берег, она
Глубине отдана не сполна.

Я вернулся домой
Не как блудный отверженный сын,
Не ущербной волной,
Не пугливою птицей лесной...
Я вернулся домой —
Обновленный до самых глубин!

2

Колодец — единственный знак и свидетель,
Что жили здесь люди всегда
И шумно сюда
Шли по воду вечером, днем, на рассвете.

Соскучился он о ведре и о звоне,
Что воду мутит бы и тьму, —
Дорогу к нему
Забыли коровы, и люди, и кони.

Под молнией искрами плесени склизкой
Он вспыхнет, испуган и дик,
И небо на миг
К заросшему срубу придвинется близко.

Журавль деревянный рванется с тоскою
Подальше от жаркой земли,
Где в дальней дали
Не видно того, кто напьется водою.

Но вот человек на шляху появился...
Он выкрикнул в голос во весь:
«Я — вот он, я — здесь!»
И свежей водой из колодца умылся.

3

Когда из-под земли добудешь глины ком,
Задумав возвести над пеплом новый дом,
В мятущейся душе ты дашь приют надежде...

Обуглена твоя пусть кожа дочерна,
Не говори, что кровь под кожей не красна,
Я видел кровь свою — она красна, как прежде...

Не говори, что боль, которая стара,
Уже развеялась, уже не так остра,
Не может быть слеза, что больше глаза, лживой...

Как ветер, жизнь пронес я сквозь огонь в бою,
Я, как огонь, прошел сквозь смерть свою,
Но скорби детские во мне поныне живы.

Задумав возвести над пеплом новый дом,
Добудь из-под земли холодной глины ком
И обожги, придав ей крепость кирпича...

Не говори, что кровь живая холодна:
Однажды на крови я клялся, и она,
Я знаю, горяча!

4

Гляжу вокруг себя без слез
И не ищу твоей могилы..
Мне с болью этот час постылый,
Прости, и радости принес.

Отраду трудного пути,
И радость нового рожденья,
И неожиданность прозренья:
Не оставаться здесь — уйти!

Последний шаг — последний след
На старой глине оставляю,
Друзья писали мне, и знаю —
Тебя под нею, мама, нет.

Еще писали мне: тогда,
От рук убийцы умирая,
Ты, маленькая, молодая,
Была уже совсем седа.

И руки, точно два крыла,
Без сил повисли, побелели...
В моей колыске-колыбели
Ты уместиться бы могла.

Ты часто представляла мне
В короткие часы привала,
Перед глазами вдруг вставала
И тотчас таяла во сне.

Теперь пришел я в край родной,
Солдат и сирота бездомный,
Не отыскать твой кров укромный,
Не плакать в голод над тобой,

А чьи-то двери распахнуть,
Увидеть женщину чужую,
Обняв ее, как мать родную.
Сказать: «Благословенна будь!»

5

Изда дедули стала ниже будто —
Ее глубокий ль возраст подкосил,
Иль отдохнуть присела на минуту,
А вновь подняться не хватило сил...

В окне отсвечивает море вспышек —
Росинки искрятся на стеблях трав,
Снуют в их свете толпы муравьишек,
Крыльцо в свое владение забрав.

Знакомый запах бьет из каждой щели,
Крапивным духом отдает рассвет,
Все запахи свежи, не оскудели,
А я здесь не был много, много лет...

Лет пять и в мыслях не было догадки,
Что человеческой крови и огня
Краснее мак на одичавшей грядке...
А дед?..

Узнает сразу ли меня?..

Когда-то был я у него, мальчонка,
Была со мною молодая мать,
Весною ранней серого теленка
Искали мы...

И вот я здесь опять...

6

«Дедуля, добрый день!» —

«День добрый, внук!»

И теплый ветерок пронесся вдруг

По снегу, недоступному весне, —
По непокорной строгой седине.

С поклоном я переступил порог,
В ответ качнулись пол и потолок.

Дедуня встал, узнал меня тотчас,
На миг перехватило дух у нас.

Весь вечер мы проговорили с ним,
Взволнованным, печальным и родным.

И гневной горечью сменяемый восторг,
И плеч порывистый смущенный вздерг,

И речи приглушенной хрипотца —
Все, все напоминало мне отца.

«Поверь, — я забывал, что стар и сед,
Что мне уже под сто, не меньше, лет,

Я в лес ушел с юнцами наравне,
И молодым вернуться вышло мне...

Гляжу, и жилки все во мне дрожат —
Сгорело, опустело столько хат!

Каких соседей добрых нет в живых!..
В какой закут ни глянешь —пуст и тих,

А ни теленочка, а ни коня...»
Заплавав, дед благословил меня.

7

Я прожил на земле так мало дней —
Как равный смею ль обратиться к ней...

Прими, земля, сыновний мой поклон
За то, что я с тобой не разлучен,
Что благ и мук дала отведать всласть,
Что до поры ты не дала мне пасть,

Мое оружие передать другому
И привела живым к родному дому.

Хоть потом я своим тебя не полил.
Посеюв сроду не растил, не холил —
Мне больно, как и пахарю, бывало,
Когда пшеницу градом побивало.

Сквозь боль твою я полз под вой-метели,
Колени, точно камни, отвердели,
Мне горечь трав твоих была в усладу,
Затем, чтобы жнецам был труд в отраду...

Я на обочинах твоих дорог бессчетных,
На щебне насыпей и на полотнах,
У вод твоих проточных и болотных
Платил солдатской полною ценою
За эхо беспечально-озорное,
Тобой подаренное мне весною,
Когда, твоей огромностью влеком,
Носился я на палочке верхом...

Мятежной нашей юностью горжусь,
Я на тебя гляжу не наглядясь,
Когда ты шумно, жадно, грудью всей
Глотаешь воду теплую дождей,
И всходят после каждого глотка
Колосьев богатырские войска.

Я счастлив руки погружать в твой прах,
Твое зерно молоть на жерновах,
На пастбищах пасти твои стада,

С тобой не разлучаться никогда,
Пока о ребра в зной и в холода
Стучится сердце гулко и упрямо...

Чи чуешь ты, дедуля?

Слышишь, мама?

1947

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Времени дары

«В тетради этой...» <i>Перевод Ю. Нейман</i> . . .	5
«Забыть нетрудно ненароком...» <i>Перевод П. Петровых</i>	6
Мой дед. <i>Перевод А. Безыменского</i>	7
«Здесь — крепости несокрушимей...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	
Росинка. <i>Перевод Ю. Лазитанского</i>	10
Радуга. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	11
«Видал ли ты...» <i>Перевод В. Соколова</i>	12
«Я знаю: я, как все, не вечен...» <i>Перевод И. Лиснянской</i>	13
«День удалялся...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	15
Эхо. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	16
«В рассветный лес...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	17
«Как я попал в столпотворенье...» <i>Перевод Ю. Мориц</i>	18

«Искру ветру я хотел доверить...» <i>Перевод</i> Я. Хелемского	19
«Когда на теплом темени земли...» <i>Перевод</i> Ю. Мориц	20
«Первые стихи!..» <i>Перевод</i> М. Петровых	21
Живет он... <i>Перевод</i> Р. Казаковой	23
Два молота. <i>Перевод</i> Ю. Левитанского	24
«Ты видел ли падучую звезду?..» <i>Перевод</i> Р. Казаковой.	25
«Я застал еще лето...» <i>Перевод</i> Р. Казаковой	26
«Сухое дерево, нагое...» <i>Перевод</i> В. Соколова	27
«Кружатся молодые пары...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	28
«Придумать стену может человек...» <i>Перевод</i> Я. Хелемского	29
«Да, черноту волос непросто сохранить...» <i>Перевод</i> Я. Хелемского	30
Память. <i>Перевод</i> А. Межирова	31
«Я имени пока ребенку не дал...» <i>Перевод</i> Я. Хелемского	33
«А миру — что, на самом деле...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	34
«Я не могу насытиться никак...» <i>Перевод</i> Я. Хелемского	35
«Мне жалко мира молодого...» <i>Перевод</i> М. Петровых	36
«Еще ты в мире этом сделал мало...» <i>Перевод</i> Я. Хелемского	38
«Кто говорит...» <i>Перевод</i> В. Соколова	39
«Юность, юность!..» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	40
«День отошел, состарив нас на день.» <i>Перевод</i> В. Корнилова	41

«Встань на заре...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	42
Я окунался в пламя. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	43
«Орел, взлетев...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	44
«Не раз видал я смерть в бою...» <i>Перевод С. Сорины</i>	45

Сердцебиение

«Костру известно ль, что горит...» <i>Перевод В. Корнилова</i>	46
«Писать портрет непросто твой...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	47
«Ты — ворожбы глухая сила...» <i>Перевод Ю. Мориц</i>	48
«Ты видишь, мне под силу чудо...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	49
«Дыханьем кожи, ощутившей...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	50
Руки. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	51
«Там, за твоим щитом...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	52
«В весенней праздничной тревоге...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	53
Гропинка. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	54
«Да, у любви закон особый...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	55
«Я верю в вечность доброты...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	56
«Не распростись мне с тобою...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	57
«Как встарь, лепни мне имя «Иче»...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	58
Тишина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	59

«Как воздух и крылья в полете...» <i>Перевод</i> <i>Р. Казаковой</i>	61
«В твоих глазах еще дрожит смятенье...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	62
«За что я нежностью наказан...» <i>Перевод</i> <i>Ю. Нейман</i>	63
Рассвет. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	64
«Можно ль, сердце, так стучать?...» <i>Перевод</i> <i>Ю. Нейман</i>	65
«Сложу из недомолвок стих...» <i>Перевод</i> <i>В. Корнилова</i>	66
Песня. <i>Перевод И. Гуревича</i>	67
«Забуду, я должен забыть...» <i>Перевод</i> <i>Ю. Мориц</i>	68
«Провидицей попробуй стать...» <i>Перевод</i> <i>Ю. Нейман</i>	70
Листопад. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	71
«Как могло случиться это?...» <i>Перевод Ю. Ней-</i> <i>ман</i>	72
Первый снег. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	74
«Но что тебя к моим стихам...» <i>Перевод</i> <i>М. Петровых</i>	75
«Ты говоришь, твой щедрый дар...» <i>Перевод</i> <i>М. Петровых</i>	76
«И вечность предо мной обнажена...» <i>Перевод</i> <i>В. Корнилова</i>	77
«Вот отпылало солнце...» <i>Перевод В. Соколова</i>	78
«Спроси у ветра вольного...» <i>Перевод М. Пе-</i> <i>тровых</i>	79
«Нет, не могу к тебе я постучаться...» <i>Перевод</i> <i>Р. Казаковой</i>	81

«Шагни — и вот пределы рая...» <i>Перевод</i> <i>Д. Самойлова</i>	82
«Когда тебя окружит шумный город...» <i>Перевод Мих. Демина</i>	83
«Тебе я не прощаю ничего...» <i>Перевод</i> <i>Я. Акима</i>	85
«Ты ночи у меня крадешь...» <i>Перевод М. Пе-</i> <i>тровых</i>	86
«Когда меня доставят в высший суд...» <i>Пере-</i> <i>вод Я. Акима</i>	87

Тепло костра

(Стихи военных лет)

«О детства жесткие законы!..» <i>Перевод</i> <i>С. Сорина</i>	88
Когда юность в бой идет. <i>Перевод К. Ваншен-</i> <i>кина</i>	89
Привалы. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	91
Конь. <i>Перевод К. Ваншенкина</i>	93
Когда я упаду в траву. <i>Перевод Д. Самой-</i> <i>лова</i>	94
«В плоть, в кровь...» <i>Перевод К. Ваншенкина</i>	95
Костер. <i>Перевод К. Ваншенкина</i>	96
Двадцать лет. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	97
«В осеннем черкасском лесу...» <i>Перевод</i> <i>И. Лиснянской</i>	99
Ночь у Днепра. <i>Перевод И. Френкеля</i>	101
Восемь суток. <i>Перевод И. Френкеля</i>	103
Весна. <i>Перевод К. Ваншенкина</i>	105
Хлопчик из Ланцута. <i>Перевод И. Френкеля</i>	107
«Солнце люблю...» <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	108

Красногвардеец. <i>Перевод Я. Хслемского</i> .	109
Первая тишина. <i>Перевод Ю. Левитанского</i> .	110
Возвращение. <i>Перевод Д. Самойлова</i> .	111

ПОЭМЫ

Тень. <i>Перевод С. Сорина</i> .	115
Будь благословенна, жизнь! <i>Перевод И. Гуревича</i> .	123

Борисов Исаак Борисович

ДОБРЫЙ ЧАС

М., „Советский писатель“, 1962, 152 стр.

*

Редактор *Д. Н. Голубков*

Художник *С. А. Данилов*

Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*

Техн. редактор *Н. Д. Бессонова*

Корректор *В. Н. Стаханова*

Сдано в набор 19/IV 1962 г.

Подписано к печати 17/X 1962 г.

A06779. Бумага 70×90^{1/32}.

Печ. л. 4^{3/4} (5,56). Уч.-изд. л. 3,14.

Тираж 8 400 экз. Заказ № 1431

Цена 16 коп.

Издательство „Советский писатель“
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10

Учебно-производственная типография
издательства „Советский писатель“
г. Тула

Цена 16 коп.

G